

Натали Вельская

**Цена
правды**

18+

Натали Вельская

Цена правды

<https://litres.ru/74400342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Врач скорой помощи становится свидетелем смертельного ДТП с участием сына влиятельного политика. Выбирая правду, он бросает вызов системе — и платит за это высокую цену. Социально-психологический триллер о моральном выборе и цене справедливости.

Содержание

Глава 1. Сирена в ночи.	4
Глава 2. Утро, которое не стало обычным.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Натали Вельская

Цена правды

Глава 1. Сирена в ночи.

Ночная смена начиналась всегда одинаково: с запаха хлорки, остывшего кофе и чьего-то забытого бутерброда на столе дежурки. Доктор Андрей Воронов натянул форменную куртку, посмотрел на часы, без пяти двенадцать, и подумал, что через семь часов закончится смена и можно будет поехать домой, поспать, а вечером забрать дочь из секции по плаванию.

Бригада скорой помощи номер семь располагалась на подстанции в Индустриальном районе Перми, одноэтажное кирпичное здание с облупившимся фасадом, придавленным с двух сторон тополями. Здесь Андрей работал последние четыре года. До этого была неотложка в Городской клинической больнице 2, а ещё раньше — интернатура, студент, первокурсник, мальчик из Чусового, который приехал в Пермь поступать в медицинский и не знал, что город запомнит его на всю жизнь.

Фельдшер Лена Зырянова уже сидела в салоне уазика, проверяла укладку. Она была из тех людей, которые делают всё быстро и без лишних слов, за что Андрей её ценил. Во-

датель Коля Хмелёв дремал за рулём, привалившись виском к стеклу. Ему было пятьдесят три, из них двадцать восемь за баранкой скорой. Он говорил, что сон в машине это не сон, а техническое обслуживание организма.

— Коля, — Андрей постучал по стеклу, — просыпайся. Поехали.

Коля открыл глаза, кивнул, завёл двигатель. Мотор уазика закашлял, как старик на морозе, но завёлся. Рация щёлкнула и выдала первые позывные ночи.

— Семьдесят третья, семьдесят третья, — голос диспетчера был ровный, без выражения, как дорожный знак. — Бригад семь, вызов. Улица Героев Хасана, тридцать два. Мужчина, сорок пять, жалобы на давящие боли в груди.

— Семьдесят третья, бригад семь, принял, — ответил Андрей в рацию и посмотрел на Колю. — Поехали.

Улица Героев Хасана в полпервого ночи была почти пустой. Фонари горели через один: половину из них так и не починили после зимы. Машина неслась по мокрому асфальту, сирена выла, разрезая тишину, и Андрей, как всегда в такие минуты, подумал о том, что где-то сейчас человек сидит и ждёт, что эта сирена приближается именно к нему.

Пенсионер Виктор Степанович Кузовков встретил их в трусах и майке, прижимая руку к левой стороне груди. Лицо серое, губы сжаты, на лбу мелкие капли пота. Андрей быстро снял ЭКГ, измерил давление — сто шестьдесят на сто. Ритм был неровный, но без явных признаков инфаркта на ленте.

Скорее всего, стенокардия, но без анализов и тропонина в условиях подстанции не понять.

— Виктор Степанович, вас нужно отвезти в больницу, — сказал Андрей, снимая перчатки. — Это не то, что можно перетерпеть.

— Да я знаю, — ответил пенсионер устало. — Просто ду-мал, пройдёт.

Они погрузили его на носилки, Коля закрыл дверь и тронул машину. Андрей сидел рядом с пациентом, держал на запястье пульс и смотрел в окно на мелькающие фонари.

Это была третья смена за неделю. После того как главврач предложил ему место заведующего подстанцией, Андрей почти не отдыхал. Не из-за нагрузки, из-за того, что решение не давало покоя. Заведующий это кабинет, график, ставки, отпуска, проверки. Это не выезды, не сирены, не кровь на руках. Это другая жизнь. И Андрей не мог понять, хочет ли он её. Жена Дарья говорила просто:

— Тебе тридцать восемь. Ты уже две язвы заработал. Хватит трястись в этой машине. Соглашайся.

Дочка Аня, которой было девять, ничего не говорила. Она просто рисовала папу всегда в белом халате, а не в форменной куртке. Может, знала что-то.

В приемном покое больницы 4 было тихо. Дежурный врач принял Кузовкова без вопросов, поставил подпись в журнале передачи и кивнул Андрею.

— Как ночь?

— Спокойно. Пока.

— Значит, ещё нагонят, — усмехнулся дежурный.

Они попрощались. Андрей вышел на улицу, сел в машину, закурил. Он бросал уже трижды, но ночные смены возвращали привычку, как старую болезнь.

— Куда дальше, командир? — спросил Коля, глядя в зеркало.

— Возвращаемся на подстанцию. Пока без вызовов.

Уазик развернулся и поехал по пустой Героев Хасана. Был час сорок ночи. Город спал. Где-то в микрорайоне Парковый Дарья спала, повернувшись на бок, и рядом, свернувшись калачиком, спала Аня.

Андрей знал это так же точно, как знал, что через шесть часов он будет дома, и Дарья встанет первой, и кофе будет готов, и Аня будет собираться в школу, и всё будет как всегда.

Как всегда.

Это был последний момент, когда он так думал. Они ехали по Ленинградской, когда Коля вдруг сказал:

— Гляди.

Андрей поднял глаза. Впереди, на перекрёстке Ленинградской и шоссе Космонавтов, стояла иномарка: тёмная, кажется, «Ауди» или «БМВ», с открытыми дверями. Рядом на асфальте лежал человек. Лежал не так, как лежат живые, неудобно, скрученно, как брошенная вещь.

— Останови, — сказал Андрей.

Коля затормозил. Андрей выскочил из машины, схватил чемоданчик, подбежал к лежащему. Мужчина лет тридцати пяти, в джинсах и тёмной куртке. Голова неестественно повернута. На асфальте тёмное пятно, блестящее в свете фонаря. Андрей опустился на колени, нашёл сонную артерию. Пульса не было. Зрачки расширены. Он прижал ухо к груди — тишина. Ни удара, ни дыхания. Он понимал: наезд был минуту, может, две назад. Иномарка, судя по позиции тела и следам торможения, шла на скорости, асфальт исцарапан, ботинок сбит с ноги и валяется в трех метрах.

— Мужчина, вы меня слышите? — сказал Андрей, зная, что бесполезно.

Тишина.

Он начал непрямой массаж сердца, тридцать нажатий, два вдоха, тридцать нажатий. Ребра хрустнули под руками, как сухие ветки. Лена подбежала, открыла дыхательный мешок, подключила кислород.

— Коля, вызови реанимацию! — крикнул Андрей, не отрывая рук. — Скажи — ДТП, потерпевший без сознания, нужна специализированная бригада!

Коля уже говорил в рацию. Город просыпался в одно мгновение, где-то далеко залаяла собака, проехал грузовик, в окне верхнего этажа загорелся свет. Андрей качал грудную клетку. Минута. Две. Три. Ничего. Он знал, что при такой травме шансы стремятся к нулю, но руки не останавливал. Он никогда не останавливал. И в этот момент он услышал

звук, звук закрываемой двери.

Он обернулся.

От ближайшего дома, метрах в двадцати, к иномарке быстро шёл человек. Молодой, лет двадцати пяти, в кожаной куртке. Лицо показалось Андрею знакомым, но в тёмноте и спешке он не мог понять, почему. Парень сел за руль, двигатель взревел, и машина рванула с места, прямо мимо скорой, мимо Андрея, стоящего на коленях. Андрей успел увидеть две вещи. Первое — номерной знак. Он запоминал номера с детства, мелочь, которая вдруг стала главной. И второе — лицо.

Оно было видно одну секунду, может, полторы. Но этого хватило. Он знал это лицо. Он видел его в новостях, в газетах, на городском портале. Это был Артём Веденеев сын депутата городской думы Сергея Веденева, председателя комиссии по безопасности и законности. Молодой человек, про которого ходили разговоры, но никогда не было доказательств.

Андрей продолжал качать грудную клетку. Через четыре минуты приехала реанимационная бригада. Они подключили дефибриллятор. Один разряд. Второй. Третий. Потом старший реаниматолог пожилой, усталый мужчина по фамилии Гущин, посмотрел на Андрея и медленно покачал головой.

— Всё, — сказал он. — Констатация.

Андрей сел на бордюр. Руки дрожали. Лена молча протя-

нула ему бутылку воды. Он не взял. Он смотрел на тело, накрытое теперь простынёй, на тёмное пятно асфальта, на след торможения, уходящий в ночь, и думал только об одном. Он видел лицо. Он видел номер. Он знал, кто это был. И теперь у него был выбор.

Когда они вернулись на подстанцию, было почти четыре утра. Коля поставил машину, Лена пошла мыть руки, а Андрей сидел в дежурке и смотрел на стену. На стене висел плакат: «Ваше здоровье — в ваших руках». Под плакатом календарь, открытый на сентябре. Карандашом кто-то из фельдшеров пририсовал к цифре 23 сердечко.

Обычная жизнь. Обычная подстанция. Обычная ночь. Но ночь была не обычная. Андрей достал телефон. Открыл контакты. Прокрутил вниз. Нашёл номер: Сухарев, ГИБДД. Это был инспектор, с которым они не раз пересекались на ДТП. Нормальный мужик, свой. Палец завис над кнопкой вызова. И не нажал.

Андрей закрыл телефон, убрал в карман и сел обратно. За окном начинало светать. Тополя у подстанции стояли неподвижно, как люди, которые знают больше, чем говорят.

Он понимал, что утро придёт, и вместе с ним придёт вопрос. Не от кого-то, от него самого. К себе. И ответить на него придётся.

Промолчать, и стать заведующим. Забыть. Пережить. Жить дальше. Или позвонить, и поставить на кон всё, что у него было: семью, покой, будущее.

Кофе в дежурке давно остыл. За окном появилось солнце: слабое, серое, сентябрьское. Город просыпался, не зная, что среди просыпающихся есть человек, у которого впереди самый тяжёлый день в жизни.

И он ещё не знал, какой.

Глава 2. Утро, которое не стало обычным.

Андрей не спал. Он вообще не помнил, как добрался до дома, только обрывки: скрип тормозов, запах бензина на улице, холодный ветер, который будто пытался пробраться под куртку и встряхнуть его. В прихожей он снял ботинки, не глядя, и прошёл в спальню. Дарья лежала на боку, укрывшись до плеч, её дыхание было ровным, спокойным. Аня спала в своей комнате, прижавшись щекой к плюшевому медведю, которого Андрей привёз ей из командировки в Екатеринбург два года назад. Он сел на край кровати, сжал и разжал пальцы, они всё ещё пахли антисептиком и кровью. В голове крутились одни и те же кадры: тело на асфальте, след торможения, лицо Артёма Веденеева уверенное, молодое, равнодушное. И номер машины. Он помнил его до последней цифры. Андрей достал телефон. Экран вспыхнул, высветив время: 05:47. Он снова открыл контакт Сухарев, ГИБДД и замер. Палец дрожал. Позвонить, значит запустить механизм, который уже никто не сможет остановить. Не позвонить, значит позволить этому уйти в темноту, раствориться в утренних новостях, где напишут неустановленный водитель и забудут через три дня. Он закрыл приложение, убрал телефон в карман и тихо вышел на кухню. Включил чайник. Пока

вода нагревалась, он смотрел в окно. За стеклом город только начинал шевелиться: проехал мусоровоз, зажёгся фонарь у подъезда, в соседнем доме кто-то открыл окно и громко зевнул. Обычная жизнь. Только у Андрея она уже не была обычной. Чайник щёлкнул и выключился. Андрей налил кипяток в чашку, бросил пакетик чая, но не стал размешивать. Он так и сидел, глядя на тёмную воду, пока на пороге не появилась Дарья.— Ты рано, — сказала она сонно, поправляя халат. — Смена ведь в восемь? Андрей кивнул, не поднимая глаз.— Что-то случилось? — Дарья подошла ближе, всмотрелась в его лицо. — Ты какой-то... не такой. Он хотел сказать: Ничего. Просто ночь тяжёлая. Хотел привычно отмахнуться, чтобы она не волновалась. Но слова застряли в горле, а вместо них вырвалось:— Я видел, как человек погиб. И видел, кто это сделал. Дарья замерла. Потом медленно села напротив.— Расскажи. И он рассказал. Без подробностей, без эмоций, ровно, как будто диктовал отчёт. Про вызов, про перекрёсток, про парня за рулём, про номер машины, про то, что это сын депутата. Когда он закончил, в кухне стало тихо, так тихо, что было слышно, как капает вода из крана.— И что ты будешь делать? — спросила Дарья тихо. Андрей посмотрел на неё. В её глазах не было упрёка, только страх, тихий, сдержанный, тот самый, который появляется, когда понимаешь: сейчас решается не просто чья-то судьба, а судьба всей семьи.— Не знаю, — честно ответил он. — Но я не могу просто забыть. Дарья встала, подошла к окну, постояла

там, будто собираясь с мыслями. Потом повернулась:— Если ты позвонишь, они узнают, что это ты. И придут не к тебе, придут к нам. К Ане. Ты это понимаешь?Он кивнул. Понимание сидело в нём тяжёлым свинцовым комком.— А если не позвонишь... — Дарья не договорила, но фраза повисла в воздухе, как незакрытая дверь. — Тогда ты каждый день будешь смотреть на нас и знать, что мог защитить кого-то, но выбрал нас. И однажды Аня спросит: "Папа, а ты всегда поступаешь по совести?" Что ты ей ответишь?Андрей сжал чашку так, что пальцы побелели. Он не хотел выбирать между правильно и безопасно. Он хотел, чтобы можно было и то, и другое. Но жизнь, похоже, не давала такой опции.В коридоре скрипнула дверь, Аня вышла, потирая глаза.— Пап, ты дома? — спросила она, увидев Андрея. — Ты же не должен был... — Да, — он встал, подошёл к ней, присел на корточки. — Просто решил заехать, увидеть тебя.Аня улыбнулась, уткнулась носом ему в плечо. От неё пахло сном и детским шампунем. Андрей крепко обнял её, зажмурился, будто пытаясь удержать этот момент, спрятать его в себе, чтобы потом доставать, когда станет совсем тяжело.— Пойдём завтракать, — сказала Дарья, стараясь говорить спокойно. — А потом... потом решим.Они сели за стол. Аня болтала про школу, про то, что у них будет экскурсия в краеведческий музей, про то, что Катя из параллельного класса сказала, будто видела в парке лису. Андрей кивал, улыбался, отвечал, но мысли его были не здесь. Они крутились вокруг

одного: как сделать так, чтобы правда не стоила им всего. После завтрака Андрей помог Ане собраться, завязал ей шарф, проверил рюкзак. На пороге она вдруг остановилась и посмотрела на него серьёзно, совсем не по-детски:— Папа, ты сегодня какой-то грустный. Всё хорошо?— Всё хорошо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Просто ночь была тяжёлая. Она кивнула, будто приняла это объяснение, и выбежала на лестничную площадку. Дарья проводила её взглядом, потом повернулась к Андрею:— Ты сегодня на смену?— Да. Надо отработать.— Тогда будь осторожен, — она подошла, обняла его, крепко, по-настоящему. — И... не решай ничего на бегу. Подумай. Он поцеловал её в висок, взял куртку и вышел. На улице было прохладно, пахло мокрым асфальтом и опавшей листвой. Андрей шёл к остановке, стараясь не думать ни о чём, кроме простых вещей: шаг, ещё шаг, автобус, работа. Но простые вещи больше не работали. Когда он подошёл к подстанции, его уже ждала Лена. Она стояла у входа, курила и смотрела куда-то вдаль, будто пыталась разглядеть там что-то важное.— Привет, — сказала она, затушив сигарету. — Ты как? После ночи... ну, ты понял. Андрей пожал плечами:— Держусь. Лена посмотрела на него внимательно, потом тихо сказала:— Знаешь, я видела, как ты смотрел на того парня, когда он уезжал. Ты его узнал, да? Андрей замер. Он не думал, что кто-то заметил.— Да, — признался он. — Это сын Веденеева. Лена тихо выругалась, потом вздохнула:— Значит, теперь всё будет

не просто. — Думаешь, мне стоит молчать? — спросил Андрей. Лена помолчала, подбирая слова. — Думаю, тебе стоит знать, что ты не один. Если ты решишь говорить, я подтверждаю, что мы были там. Что я видела ту машину, видела, как он уехал. Я не буду врать. Андрей почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось. Не решение, нет. Но хотя бы не одиночество. — Спасибо, — тихо сказал он. — Не благодари, — ответила Лена. — Просто... будь готов. Если ты скажешь правду, они будут бить не по тебе, они будут бить по тому, что тебе дорого. Андрей кивнул. Он уже знал это. Смена шла как в тумане. Вызовы сыпались один за другим: женщина с приступом астмы, пожилой мужчина с высоким давлением, ребёнок с высокой температурой. Андрей делал всё на автомате: измерял, слушал, задавал вопросы, принимал решения. Его руки помнили, что делать, даже если голова отказывалась думать. А в перерывах между вызовами он ловил себя на том, что снова и снова прокручивает в голове тот момент на перекрёстке. Лицо Артёма. Номер машины. Тишину после третьего разряда дефибриллятора. Ближе к обеду на подстанцию зашёл главврач: высокий, подтянутый, с вечной папкой под мышкой. Он окинул взглядом комнату, нашёл глазами Андрея и поманил его к себе. — Воронов, зайди ко мне в кабинет, — сказал он спокойно, но в голосе чувствовалось напряжение. — Есть разговор. Андрей переглянулся с Леной. Та едва заметно кивнула, мол, иди. Кабинет главврача был маленьким, заставленным бумагами, с видом на двор,

где сушились простыни и стоял старый холодильник. Главврач сел за стол, сложил руки перед собой и посмотрел на Андрея прямо:— Я слышал про ночное ДТП. Про то, что ты был первым на месте. Андрей молча кивнул.— Там... непростой случай, — продолжил главврач. — Семья... влиятельная. И мне бы не хотелось, чтобы наша подстанция оказалась в центре скандала. Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок.— Я просто делал свою работу, — сказал он.— Я знаю, — кивнул главврач. — И ценю это. Но иногда... иногда лучше не лезть туда, где не сможешь ничего изменить. Ты понимаешь, о чём я? Андрей смотрел на него, не отводя взгляда.— Понимаю, — сказал он тихо. — Но я не умею делать вид, что ничего не видел. Главврач помолчал, потом тяжело вздохнул:— Ладно. Я тебя предупредил. Но имей в виду: если ты начнёшь говорить, я не смогу тебя прикрывать. Система так не работает.

Андрей вышел из кабинета с ощущением, будто наплечи положили бетонную плиту. Он вернулся в дежурку, сел на стул и уставился в стену. Теперь он точно знал: он не просто выбирает между правдой и тишиной. Он выбирает между своей совестью и тем, что ему дорого. И цена этого выбора будет расти с каждой минутой. Телефон в кармане завибрировал. Андрей достал его. На экране высветилось знакомое имя: Сергей Веденеев. Сердце пропустило удар. Андрей смотрел на экран, не решаясь нажать кнопку. Потом всё-таки нажал.— Слушаю, — сказал он, стараясь, чтобы голос не

дрожал.— Доктор Воронов? — голос был спокойный, уверенный, без лишних эмоций. — Нам нужно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.